

ЭО, 2014 г., № 2

© А.К. Салмин

УГОРСКАЯ ГЛАВА В ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: савиры, сувары, чувашаи, ханты, манси, мадьяры, междисциплинарный подход

В статье на материалах лингвистики, этнографии и искусства предпринята попытка выяснения исторических связей между предками чувашей и угорскими племенами. Изучаемый период охватывает в основном I тыс. н.э. Формат журнальной статьи не позволяет изложить тему в полном объеме, поэтому за пределами публикации остались этнонимы, исторические, географические, антропологические, археологические, религиоведческие, фольклорные и другие аспекты, а также гипотезы об угорских корнях гуннов, динлинов, эсегель, вису и башкир.

Исследователи сетуют на то, что фактов, указывающих на чувашско-угорские симбиозы и субстраты, очень мало. Однако забывают, что и в области чувашско-татарского родства таких доказательств немного. Если от времени ухода сувар от булгар на правобережье Волги в начале X в. нас отделяет одиннадцать веков, то от периода чувашско-угорских контактов – намного больше. Поэтому ретроспективное изучение общих древних корней становится все более сложной задачей. Тем не менее ученых не покидает надежда и даже уверенность в возможности реконструкции достоверной истории чувашей.

Вначале же, на всякий случай, укажем: есть утвердившееся мнение, что предки чувашей известны как *савиры/сувары* (Таймасов 2001; Мухамадиев 2011; Salmin 2013). Хотя тезис и остается открытым, он содержит достаточную почву для историко-филологических разысканий.

Лингвистика. В конце III тыс. до н.э. начинается обособление угорских племен от финно-угорских групп. С этого времени в угорском праязыке происходят изменения, которые не имели места в других родственных языках, – модификация фонетической системы, развитие грамматических категорий, появление собственно угорских слов (Хайду П. 1985: 195). В конце II – второй половине I тыс. до н.э. происходит распад угорского праязыка, а на рубеже новой эры сформировались основы современных групп уральских языков и началось их обособленное развитие (Напольских 1999: 431, 449). В те времена в восточноевропейских и западносибирских степях жили носители индоевропейских языков. В угорских языках выявлены десятки заимствований из арийского. В некоторых случаях лексика поддается относительной хронологической стратификации: на рубеже II–I тыс. до н.э. в угорские языки проникали слова из индоиранского, а в I тыс. до н.э. – из древнеиранского языков (Стеблин-Каменский 2009: 14). Благодаря соседям среди угров распространились навыки земледелия и скотоводства, а позднее – умение обрабатывать металлы, ибо в угорских языках названия домашних животных и металлов в большинстве своем имеют древнеиранское происхождение, например *tehén* “корова”, *szekér* “воз, телега, колесница”, *lo* “лошадь” (Фодор 2000: 24–25). Несомненно, имеющие общие архаические генетические корни народы должны, несмотря на разрыв длиной более чем сорок веков, сохранить хотя бы малую

Антон Кириллович Салмин – д.и.н., ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; e-mail: antsalmin@mail.ru

часть сходных лингвистических черт. При внимательном исследовании такие общие места действительно находятся.

Остяков прежде звали *ār-jaχ* “племя *ār*” или *χanda-jaχ* “племя (народ) хант” (Patkanov 1900: 414, 426). Оба слова прозрачно прочитываются с помощью чувашского языка: *ār* “мужчина, человек, люди” + *йāχ* “племя, народ”. Окончание венгерского этнонима также *-ar*: *magyar* “говорящий человек”. В числе другой родственной лексики: чуваш. *шур(лāχ)* “болото” – хант. *сюр* “ручей”; чуваш. *юх(ан шыв)* “река” – хант. *лōна iogān* “Irtysch” (Steinitz 1975: 784); чуваш. *хунь(ама)* “свекровь”, *хунь(аца)* “свекор” – манс. *хон* “царь” и т.д.

В хантыйском, венгерском и чувашском языках есть одинаково произносимое и графически изображаемое слово *талай*. У хантов оно значит степь для вольного содержания табуна лошадей (Patkanov 1901: 319). В венгерском языке *talaj* – “земля”. В самом авторитетном 17-томном Словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина написано, что слово *талай* – неизвестного происхождения, однако приводится пример, зафиксированный в с. Сунчелеево Чистопольского у. Казанской губ.: *Вёс, вёс, аккāш, вёс, аккāш, талай хирне ўк, аккāш* (Ашмарин 1937: 165). В чувашско-русском словаре дается перевод приведенного предложения: “Лети, лети, лебедь, и долети до полей неведомого края” (Скворцов 1985: 440). Однако *хир* можно переводить и как “поле”, и как “степь”. Так, низовых чувашей называют *хирти*, что лучше переводить как “степные”, а не “полевые” чуваша. Хотя чувашский язык для понятия “степь” имеет и более конкретизированное словосочетание *сезен хир*, однако *хир* может быть использовано и без уточняющего слова. Поэтому приведенное предложение вернее перевести так: “Лети, лети, лебедь, лети, лебедь, долети до степного края”. Таким образом, можно констатировать, что *талай* как у хантов, так и у чувашей означает степь, где можно выгуливать табуны лошадей. Как известно, у тюрков и монголов это слово утвердилось со значением “море”. Например, у телеутов, шорцев и качинцев *талай* – это море или большое озеро (Радлов 1905: 878). Видимо, сказался семантический аспект понятия “широко, много”.

В языке обских угров, как и в чувашском, происходит замена исконного звука *х* тюркским *к*. Например, река *Хūнда* или *Ханда* (Patkanov 1900: 438) – левый приток Иртыша – теперь более известна как *Конда*, а мифологический персонаж *Хуль-Отыр* – как *Куль-Отыр*. Для иллюстрации в качестве чувашского примера обычно приводят слово “девушка” – *кыз* в тюркских языках и *хёр* в чувашском языке. И в угорских, и в чувашском языках имеют место краткая и полная формы числительных. Например, “2”: хант. *кат* – *каты*, манс. *кит* – *китыг*, венг. *két* – *kétfő*, чуваш. *ик* – *иккё*. Наконец, чувашское название реки Волга – *Атāл* – также финно-угорского происхождения и означает “река”. У Константина Багрянородного оно встречается в венгерской форме *Ателькюзу* (Etelköz). *Ак Идель* – еще один вариант того же названия.

Не случайно совпадение племенного названия остяков *иштяк* и деревни и леса *Иштек* в Аликовском р-не Чувашской республики. То, что в Иштекском лесу чуваша проводили моление одному из самых значительных божеств *Киреметю* (Ашмарин 1929: 163), свидетельствует о сакральности и древности термина *Иштек* у чувашей.

Ханты и манси, как и чуваша, не выговаривают звонкие согласные (*лешат трукие сапоки*).

На основе аналитического изучения конкретных форм проявления ротацизма и ламбдаизма в огурской группе языков и в чувашском языке Андраш Рона-Таш констатирует, что чувашеговорящие люди/группы (Chuvash speaking people/groups) пришли из Южной Сибири. Например, в рунической надписи на памятнике *Kejilig χobu* присутствует название племени *Kūmūl bodun*, вождем которого был *Kūmūl ūge*. Этот предводитель стал *ūge* в 30-летнем возрасте (*otuz yašimga*) и умер на 70-м году жизни (*yetmiş yašimga*). Текст, без сомнения, написан на общем старотюркском языке, но в

слове *kümül* “серебро” имеет место ламбдаизм (ср. чуваш. *кёмёл* и общетюрк. *kümüs*). Примечательно, что эти “серебряные люди” говорили на языке чувашского типа, а к VIII–IX вв. от них сохранилось данное название. “Серебряные люди” (*kümül bodun*) упоминаются также в надписи *Kizil Ćira* и в китайских источниках. Такие письменные лингвистические свидетельства и данные показывают, что чувашеговорящие группы в Южной Сибири разделились, их основная часть ушла в Европу, но часть осталась в Азии и позже была ассимилирована живущими там тюрками (*Róna-Tas* 2007). В енисейской надписи *Кюмюль Оге* – мужское (воинское) имя; его обладатель называет *кюмюлей* “мой народ”. Видимо, они состояли из множества родов, ибо *Кюмюль Оге* называет свой народ еще “сто кюмюлей” (*Айдын* 2011: 7–8). Питер Голден подчеркивает, что на раннем этапе еще соседние финно-угорские языки оказывали на предков чувашей сильное влияние (*Golden* 2008: 235).

На этих примерах я остановился потому, что и сегодня, изучая этническую историю, кое-кто пытается оттолкнуться от ошибочного тезиса Армина Вамбери, утверждавшего: “Венгры, генетические родственники чувашей, – исконный тюркоязычный народ”. Да, еще в начале X в. персидский автор Ибн Русте заявил, что мадьяры – это тюркское племя (*Ибн-Даста* 1869: 25). Ввиду того, что утверждение не основывалось на собственных наблюдениях автора, его можно считать не более чем произвольной констатацией (хотя к этому времени мадьяры уже испытали влияние тюрков). Опираясь на опыт предшественников, а также на свои исследования, Золтан Гомбоц утверждал, что венгерский язык правильно определен как член финно-угорской лингвистической семьи, а его тюркские элементы являются заимствованными (*Gombocz* 1912: 1–34). Тут весьма уместно привести мнение А. Рона-Таша, который сделал вывод о том, что язык венгров был финно-угорским, но их этнос являлся тюркизированным финно-угорским, так как венгры долгое время жили внутри тюркских племенных союзов. В языковом отношении и с точки зрения самосознания они финно-угры, но их вожди и господствующая верхушка общества были тюрками (*Róna-Tas* 1988a).

А. Рона-Таш доказывает несостоятельность утвердившейся гипотезы о ранних тюрко-венгерских контактах (до периода Великого переселения народов). Он пришел к выводу, что доказательств древних угорско-тюркских языковых контактов не существует. Им выделяются три этапа западного древнетюркского влияния на венгерский язык. На первом и втором этапах (V–VIII вв.) тюркское влияние было интенсивным, на третьем этапе (IX в.) интенсивность уменьшилась. В это время венгры постепенно стали независимы от Хазарской империи (*Рона-Таш* 2012: 4, 9–10). Как и З. Гомбоц, А. Рона-Таш считает, что тюрко-венгерские языковые контакты происходили исключительно с 500 по 1000 г. Ни раньше, ни позже признаков влияния тюрков венгерский лингвистический материал не содержит (*Róna-Tas* 1997; *Дмитриева, Адягаши* 2001: 156). Если точнее – заимствование и копирование тюркских слов в венгерском языке началось в VI в. и продолжалось до 800 г. Подготовленный А. Рона-Ташем список включает около 450 слов (*Рона-Таш* 2005: 114–115). Особенно интенсивным тюркское влияние на венгерский язык было в V–VII вв. Этот процесс хорошо показан лингвистами на фонетическом уровне (на примере палатализации) (*Дыбо* 2011: 10–21). Хотя имеется предположение, что в истории венгров тюркские заимствования происходили еще на территории угорской прародины в Южной Сибири с III в. (*Fodor* 1981).

Опираясь на работы З. Гомбоца, Петер Вереш считает, что те 300 венгерских слов, которые родственны с чувашской лексикой, первоначально заимствованы у предков чувашей во время Великого переселения народов (*Вереш* 1996: 27). Это – термины земледелия, скотоводства, виноделия и садоводства. А филолог Юдит Дмитриева-Салонтаи в личной беседе утверждает, что у чувашей и венгров 500 общих слов. Более того: логично считать, что в указанное П. Верешем время, т.е. в период Хазарского

каганата, после середины I тыс. н.э., предки чувашей и кочевники-мадьяры жили в тесном культурно-хозяйственном и языковом симбиозе. Сотни примеров общей чувашско-венгерской лексики ни у кого не вызывают сомнений. Так, дохристианское мужское имя *Tevel* присутствует в обоих языках. В числе однозначно имеющих чувашские признаки А. Рона-Таш приводит длинный ряд венгерских слов: *borjú* “теленок”, чуваш. *năpy*; *kölcsön* “долг”, чуваш. *кивçен*; *serke* “гнида”, чуваш. *иăрпка*; *sár* “болото”, чуваш. *иуь*; *szél* “ветер”, чуваш. *çил*; *gyűrű* “кольцо”, чуваш. *çĕрĕ*; *tiló* “мялка”, чуваш. *тылă*; *gyertya* “свеча”, чуваш. *çурта*; *sarló* (*šarlő*) “серп”, чуваш. *çурла* и т.д. (*Róna-Tas* 1988b: 742–759). Свидетельством существования коневодства у угров и чувашей является наличие общих названий упряжи (венг. *nyereg*, манс. *newră*, хант. *поѳер*, чуваш. *йĕнер* “седло”). Среди другой общей лексики: *kecske* – *качака* “коза”, *árpa* – *урпа* “ячмень”, *oroszlán* – *арăслан* “лев”, *gyékény* – *чакан* “рогоз”, *gyom* – *çум* “сорняк”, *törvény* – *тър* “закон”, *iker* – *йĕкĕр* “близнецы” (*Хайду М.* 2000: 328–329). Явная этимологическая и семантическая связь между чувашским *халал* “благословение” и венгерским *halal* “смерть, конец, гибель” – связь между прощанием и благословением, ибо прощание может быть выражено в момент смерти, ухода девушки-невесты из дома и во время проводов в солдаты.

В южнорусских степях и в Междуречье в венгерском языке под влиянием иранских племен произошли изменения на фонетическом уровне. Эти фонетические признаки не характерны для обских угров: $*p \rightarrow f$, $*t \rightarrow \delta(z)$, $*k \rightarrow h$, $*s \rightarrow h$. Именно в этот период, считает П. Вереш, возникает новый этнос – древние венгры (*Вереш* 1984: 380).

Венгерские исследователи активно разрабатывают тему мадьярско-булгарских культурных связей. Можно считать установленным, что наиболее тесными эти связи были на Кавказе. Иштван Зичи с определенностью писал: местом древних венгерско-булгарских контактов было не Булгарское царство на Волге, а Юго-Восточная Европа – область к северу от Кавказа (*Zichy* 1923). Однако венгерские ученые в основном не различают болгар и савар. Так, говоря о системности общей лексики чувашского и венгерского языков, Юлиус Немет тут же заключал, что “эти слова не заимствованы из какого-то одного болгарского диалекта, а отражают многовековое развитие болгарского языка на Кавказе” (*Немет* 1963: 131). Но на следующей странице он писал о трех этнонимах венгров, под которыми они были известны соседним племенам: *оногуры*, *тюрк* и *савар*.

Совершенно очевидно, что имя царя Волжской Булгарии – *Алмуш*, мадьярского воеводы – *Алмуц* (отец реального исторического лица Арпада [*Багрянородный* 1991: 38], в традиции раннесредневековых латиноязычных сочинений – *Almus*), а также венгерский антропоним *Алмош* (*Шушарин* 1991: 16) – звенья одной цепи. Мадьярское имя *Árpád*, несомненно, является производным от слова “ячмень” (*Németh* 1991: 276) и соответствует чувашскому *урпа*.

Еще Й. Буденц и З. Гомбоц указывали на специфические тюркские заимствования в венгерском языке. Они обратили внимание на случаи, когда пратюркское $*z$ заменяется посредством *r*. Как писал Й. Буденц, по фонетическому облику тюркских заимствований венгерского языка можно установить, какой из тюркских языков служил их источником. Таким источником Й. Буденц однозначно определял древнечувашский язык, характерным фонетическим критерием которого является соответствие общетюркского *z* чувашскому *r*, а также исчезновение общетюркского конечного гуттурального *k* с сохранением конечного гласного в чувашском. Общетюркский анлапный заднеязычный *q*- в чувашском языке соответствует звуку *x* (*Budenz* 1873; *Дмитриева, Адягаши* 2001: 13). Конечно, правило замены тюркского *z* (зетацизм) чувашским *r* (ротацизм) и другие фонетические законы работают и на более ранних источниках. А также в других языках. Это же правило справедливо для лексики хантыйского и мансийского языков, например: чуваш. *нĕр*, хант. *пĕр* “единный”; чуваш. *торна*, хант.

тор “журавль”; чуваш. *çёрё*, манс. *сури* “кольцо”; чуваш. *авёр*, манс. *авар*, хант. *аор* “омут”; чуваш. *тар*, хант. *тāра* “порох”; чуваш. *пёр*, хант. *пор*, венг. *fur* “сверлить” и т.д. Таким образом, угорские и чувашский языки следует назвать *r*-языками, а это уже играет серьезную роль в определении их древнейшего родства. По крайней мере, чувашско-угорский симбиоз уходит во временные пределы до н.э.

Уграми могли быть и башкиры. Венгерские путешественники-миссионеры свидетельствовали, что башкиры еще в XIII в. говорили на языке, понятном венграм. Этноним *башкорт/башкурт* наряду с тюркской расшифровкой (“голова” + “волк/пчела”) имеет и тюрко-угорское прочтение. Так, по мнению Дугласа Данлопа и Д.Г. Киекбаева, башкирский этноним образовался путем слияния слов *бэши* + *угыр* “пять угров”. Этнограф Р.З. Янгузин по этому поводу замечал, что исследователи, к сожалению, замалчивают такой факт (Янгузин 2007: 21).

Как свидетельствуют раннесредневековые источники, в гуннскую конфедерацию на Кавказе входил ряд угорских племен. О том, что эти племена – угры, говорят их этнонимы. Например, биттугуры (у Иордана и Агафия), кутригуры (у Прокопия, Агафия и Менандра), огуры (у Приска и Менандра), сарагуры (у Приска); притом *огуры* означает “племена”. О том, что эти племена – не тюрки, свидетельствует ротацизм (у тюрков было бы *огузы*). Так, сараугры означает “желтые угры” (чуваш. *сарă* – “желтое” + *йăх* “племя”). В то же время имеется мнение, что племенное название *оногур* (= чуваш. *вунă йăх* “десять племен”. – А.С.) никогда не имело места в венгерской лексике (Németh 1991: 286). Однако позже, уже в Восточной Европе, гунно-огуры смешались с другими племенами. Как результат, имеем тюрко-онугорские этнонимы. По мнению К.И. Иречек, хазары также принадлежали к угорскому племени (Иречек 1878: 160), что весьма неоднозначно.

“Савиры были выходцами из Западной Сибири и, видимо, принадлежали к угорской или южной ветви самодийской группы”, – считал Л.Н. Гумилёв (Гумилёв 2007: 261). Насчет связей с самодийским миром есть большие сомнения, а вот в языковом отношении сеперы/савиры действительно имели угорский субстрат. Поэтому В.В. Радлов утверждал, что праязыком чувашей первоначально, несомненно, был угро-финский, а следовательно, первооснова чувашского языка – не тюркская (СПбФ АРАН: 6–9). Известно, что пратюркская общность распалась задолго до того, как носители пратюркского языка дошли до территорий, на которых жили угорские народы (Дыбо 2007: 179), т.е. чувашско-угорские лингвистические соответствия должны расцениваться как допратюркские.

Этнография. Общественная структура древних мадьяр имела дуальную организацию, что в принципе находит отклик в дуальной фратрии обских угров *пор* и *мось*. Так, у них господствовало управление двумя вождями, один из которых был военачальником, а другой выполнял гражданскую и религиозную функции. Имеются указания и на другие дуальные формы у степняков – современников мадьяр (например, скифо-сибирский звериный стиль, изображающий борющихся животных, и “инь-янь” у китайцев). Здесь важен не столько факт заимствования, сколько желание выразить семантику содержания. Пример оплодотворения соколом мифической праматери венгров – оленихи, считает П. Вереш, отражает мотив противопоставления хищной верхней птицы низшему травоядному зверю – оленю (Вереш 1996: 25–26). Здесь будет как нельзя кстати добавить, что народную религию чувашей называют *ыр-хаяр тёнё* “религией добра-зла”. Сюда же следует добавить оппозицию *Торум* ↔ *Куль-отыр* у обских угров и *Турă* ↔ *Киремет* у чувашей (Salmin 2011: 107–120, 282–291). Поэтому следует констатировать, что у чувашей, как и у угров, дуализм – явление древнее.

Предки венгров на рубеже II–I тыс. до н.э. стали коневодами и начали вести кочевой образ жизни (Вереш 2000: 35).

Для поселений Барабинской лесостепи на раннем этапе саргатской археологической культуры были характерны жилища-полуземлянки. К концу эпохи саргатской

культуры жилища имели величественный вид. Их площадь составляла свыше 300 кв.м, в наивысших точках ставились опорные столбы, по периметру располагались два круга столбов (внешний круг имел наклон внутрь жилища). Очаг находился в центре дома в небольшом углублении (*Полосьмак* 1987: 6, 9). В XVIII в. остяки в зимнее время селились у воды на сухих местах. Здесь они ставили деревянные жилища с земляными кровлями. Окнами им служили небольшие проемы, закрываемые льдинами (*Зуев* 1999: 147).

Зимой древние угры были заняты охотой на пушного зверя. Среди находок в памятниках эпохи раннего железа на их территориях широко представлены костяные черешковые наконечники стрел – их клали умершим в могилу. Стрелы располагались слева и справа у бедра одинаково как у мужчин, так и у женщин (*Полосьмак* 1987: 25–26). Лук и стрелы сопровождали жизнь остяцкого мальчика с раннего детства. Еще в люльке мать развлекала малыша звуком натянутой тетивы, а как только он начинал ходить, отец изготавливал ему лук. Игры и развлечения остяцких мальчиков обязательно включали стрельбу из лука (*Зуев* 1999: 152).

Лето угры издревле проводили на Енисее и на других водоемах за ловлей рыбы. “Любимое занятие всех угорских групп – рыбную ловлю – венгры не оставили даже в южнорусских степях” (*Патканов* 2003: 384). Действительно, как писал Гардизи, в Днестровско-Днепровском междуречье мадьяры занимались рыболовством и этим жили (*Бартольд* 1973: 58). Характеризуя быт мадьяр во второй половине IX – начале X в., Ибн Русте также отметил зимнее рыболовство. С наступлением зимнего времени мадьяры перекочевывали ближе к реке и оставались в продолжение зимы, занимаясь рыбной ловлей. “Жить им зимой у тех рек удобнее чем где-либо”, – отметил путешественник (*Ибн-Даста* 1869: 26). О том, что “рыба составляет главнейшую пищу” мадьяр, в 880-х гг. писали также летописцы Нотарий Бела и Регино фон Блом (см. прим. 53 Д.А. Хвольсона в кн.: *Ибн-Даста* 1869: 120). Рыбная тема была чрезвычайно актуальной и для остяков, повседневной пищей которых, согласно источнику начала XVIII в., являлась рыба. Великая река Обь изобиловала множеством различных видов рыб. На промыслах ели только что выловленную сырую рыбу. Остяки заготавливали ее на зиму – как для себя, так и для собак. Сушили без соли, хранили в больших берестяных сосудах, употребляли и в вареном виде. Это были позымы, варка, порс, ютта, рыбы кости и т.д. Вокруг остяцких жилищ всегда пахло обработанной рыбой (*Новицкий* 1999: 34–35; *Зуев* 1999: 153).

Земледельческим навыкам сибирские угры учились, скорее всего, у более продвинутых в этом отношении ариев. Существование арийско-угорского двуязычия могло явиться следствием взаимообмена верованиями и семейной обрядностью. “Угры учились у ариев разводить и пасти мелкий и крупный скот, выращивать и печь хлеб, выделывать металл и воевать” (*Стеблин-Каменский* 2009: 15). В языке венгров почти нет исконных земледельческих терминов, за исключением слова “просо”. Вся лексика, связанная с земледелием, а также виноградарством и садоводством (кроме слов, заимствованных в конце IX в. у славян) перенята у предков чувашей. Эти слова, пишет Петер Юхас, без сомнения, доказывают, что болгары (сюда он включает и предков чувашей) имели развитое земледелие. Более того, лексика, связанная с виноделием, свидетельствует о продолжительной оседлой жизни. Вышеуказанные данные говорят о том, что болгарские (и савирские) племена занимались обработкой земли еще на своей азиатской прародине (*Юхас* 1985: 439). В число таких заимствованных слов П. Юхас включает и монголизмы. Есть ряд слов, перенятых на Кавказе. Согласно П. Верешу, венгерские племена поздно оставили кочевнический характер хозяйства. Поэтому основные земледельческие термины (“плуг”, “серп”, “пшеница”, “ячмень”, “жатва”, “стог”) они заимствовали из языка народов, населявших Хазарский каганат в 750–896 гг. Этот важный процесс происходил в южной части территории салтовомаяцкой археологической культуры (*Вереш* 1984: 382–383).

Население барабинской лесостепи разводило домашних животных, в частности коров, лошадей, баранов. Кости именно этих животных были найдены в могильных курганах раннего железного века. Скорее всего, это были остатки жертвенной пищи (Полосьмак 1987: 29–30).

О том, что население Западной Сибири в последние века до н.э. – I в. н.э. занималось рукоделием, изготовлением ниток и прядением, свидетельствуют найденные в саргатской культуре Барабы глиняные и костяные пряслица. Они входили в состав погребального инвентаря. Чаще их обнаруживали в женских захоронениях, иногда – в детских (Там же: 27).

А.Н. Анфертьев выполнил новый перевод “Тетики” Иордана. Если Е.Ч. Скржинская перевела предложение из § 37 как “Хунугуры же известны тем, что от них идет торговля шкурами грызунов”, то А.Н. Анфертьев предложил для этого места вариант “Хунугуры же известны оттого, что от них идет торговля пушшиной”. Он также предложил заменить перевод Ю.В. Кулаковского из Аммиана Марцеллина (*Res gestae* XXXI. 2. 5) “Тело они (гунны) прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей” (*ex pellibus siluestrium muum*) фразой “шкурки пушных зверей”. Между тем правильное понимание словосочетания *pelles murinae* (“шкурки пушных зверей”, а не “степных грызунов”) ведет к важному выводу: хунугуры изначально не степные кочевники, а лесные охотники. “Отсюда возникает возможность видеть в них обских угров” (Анфертьев 1994: 143). Позже мадьяры, согласно источникам, носили одежду из парчи, а оружие у них было украшено серебром и золотом (Бартольд 1973: 59).

В начале XX в. остячки мужчины носили длинные волосы и большинство заплетали косы. Такого обычая нет ни у одного из других племен, обитающих в Турханском крае (Анучин 1906: 42, 43). С этими данными неожиданно перекликается известие, найденное в середине XIII в. у крымских татар. “В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей” (Рубрук 1997: 8).

Археологи обнаружили в захоронениях венгров – завоевателей родины остатки своеобразного лицевого покрытия. Череп покрывался кожаным лоскутком, на которой в места глаз и рта помещали серебряные пластинки четырехугольной формы. Близкие аналогии известны и в обычаях обских угров. После наступления смерти, когда покойник обмыт и одет в чистое белье, его глаза закрывали, лицо покрывали платком, всю голову обертывали лоскутом оленьей кожи. К местам ушей, носа, рта и глаз прикрепляли монеты, пуговицы, металлические пластинки. Такие манипуляции направлены на то, чтобы умерший не смог забрать с собой кого-либо из живых, а также был неузнаваем по пути в иной мир. О том, что этот обряд древний, свидетельствуют архаические традиции поклонения медведю, обращения со священными куклами. Как известно, морду ритуально убитого медведя также покрывают берестяными или жестяными щитками, а глаза – монетами. Видимо, данный обряд проник к уграм из южных традиций. Так поступали степные племена – скифы, сарматы, иранцы, аланы. Несомненно одно: обычай наложения маски и монеты был распространен у хантов, манси и венгров во времена их совместного проживания (Dienes 1963: 112). Закрывание умершему отверстий (ноздрей, ушей, лунок глаз, рта) шелком чуваша объясняли нежеланием выставить уходящего в иной мир родственника в качестве свидетеля. Если там у него спросят: “Кто за тобой идет?”, он мог ответить: Курман, илтмен, пѣлместѣп “Не видел, не слышал, не знаю” (Салмин 2007: 294–295).

Южные остяки еще в конце XIX в. считали, что некоторые памятники древности (например, кладбище в двух верстах от Пуштинских юрт Мало-Кондинской вол. Тобольского окр.) принадлежат сибирским/сыбырским племенам (Патканов 1999: 11).

Согласно Аммиану и Прокопию, к 428 г. у гуннского предводителя (до Бледы и Аттилы – видимо, речь идет о Ругиле) остались два сына – Утигур и Кутригур. После смерти отца они поделили власть, а подданным дали свои имена (Procopii... 1905: IV. 5. 1–6). Как отмечено Менандром, котригуры и утигуры говорили на одном языке, вели одинаковый образ жизни и носили одинаковую одежду. Частью они входили в аварские войска. Следует отметить, что П. Голден склонен считать вождя гуннов Гордаса (Gordas), крестившегося в 528 г. в Константинополе, происходившим из утигуров (Golden 2008: 331). Кутригур Заберган во время похода на Константинополь в 559 г. разделил свои войска, один из его корпусов состоял из 7000 всадников (Агафий 1996: V. 12). В 568 г. аварский князь Ваян нанес сильный урон этим племенам. Часть кутригуров и утигуров бежала, часть пала в сражении, часть была захвачена, остальные – истреблены (Menandri... 1829: 3; 27; 28).

Если комментировать эти факты, то следует сказать, что два сына предводителя гуннов, несомненно, носили угорские имена и вели угорский образ жизни. М.И. Артамонов расшифровывал название *утигуры* как “малые угры” (Артамонов 1962: 87), значит, *кутригуры* – “старшие, или многочисленные, угры”. При любом раскладе выходит, что оба сына (Утигур и Кутригур) гуннского предводителя – угры. А значит, отец Утигура и Кутригура, т.е. сам предводитель гуннов, был родом угр, и уграми были его предки. Вполне возможно, что еще в конце I в. или в самом начале II в. на юге Западной Сибири ослабевших после сокрушительного разгрома хуннов мог возглавить угорский воевода. Таким образом, Великое переселение привело в Восточную Европу смесь угорских племен и гуннов. В Европе они перемешались со степными иранцами и образовали конгломерат племен. Если верить Аммиану, Прокопию и Менандру (а у нас нет оснований не верить им), то следует констатировать, что поиски утигуров и кутригуров (и фонетические варианты этих этнонимов) до 428 г. и после 568 г. исторически не оправданны. Век утигуров и кутригуров определяется точными датами – 428–568 гг. Никифор и Феофан считали котрагов (*Κότραγοι*) соплеменниками болгар (Nicephori... 1880: год 673; Феофан 1980: 60–62). Кутригуры и утигуры вошли под крыло хана Куврата. В V–VII вв. они жили в районе Азовского моря. Племенное название *котраги* является вариантом наименования *кутригуры*. Речь, видимо, идет не о племенах кутригуров и утигуров в физическом плане, а лишь о сохранении их этнонимов, которыми обозначались племена, вошедшие в состав Булгарского союза.

Что касается огуров (букв. “племена”) и оногуров (“десять племен”), то в своей азиатской истории они также могли быть уграми. В Европе они были завоеваны аварами, а затем – тюрками. Менадр рассказывал, как руководитель огуров стал сторонником тюркского ябгу-кагана. В это время они обитали в регионе от степной полосы Северного Кавказа (зона р. Кубань) до низовий Дона (Golden 2011: 142). Согласно византийским источникам, после смерти короля гуннов Аттилы (453 г.) и ухода гуннов на Северный Кавказ на их месте появились новые люди. Приск назвал их оногурами, Феофилакт Симокатта – унугурами. Это было имя племенной конфедерации изначально из 10 огурских племен, как и конфедерация *Tokuz Oguz* из девяти огузских племен. Но имя одного племени было угор (Приск), угур (Менадр), огор (Феофилакт). За этими данными мы можем открыть название огур > угур. Мы видим эту форму и в названии сара-гур (Приск), ути-гур (утигур, утригур) (Прокопий, Менадр), кутур-гур (Прокопий, Менадр, Феофилакт Симокатта), кутригур, котрагер, куртургур. П. Голден допускает, что кутригуры и утригуры позже стали известны под именами *гунны* и, возможно, даже как *булгары* (Golden 2008: 259). В любом варианте мнений кутригуры и утригуры исчезли как самостоятельное племя. Иначе говоря, с середины V столетия мы находим огурские племена в регионе, расположенном к северу от Кавказа (*Róna-Tas* 2007). Но есть и мнение, что оногуры никогда не принадлежали к угорскому миру (Напольских 2005: 242, 243).

Сенеры/сывыры были родственны угорским племенам, проживавшим прежде за Уралом к югу от нынешних вогулов и остяков, утверждал С.К. Патканов. Затем эти племена переселились в Европу (Патканов 1999: 16–18). Он также напоминал, что Прокопий прямо писал о сабирах-уграх. Позже эту мысль повторил и развил М.И. Артамонов, который считал, что савиры, как и сарагуры и оногуры, вышли из одной и той же угорской среды, но затем подверглись более или менее сильной тюркизации (Артамонов 1962: 78). Сывыры, находящие возможный этимологический отклик в виде чувашского *sávăr* “сурок”, как и угры в Сибири, сооружали себе жилища с земляными крышами. О том, что окна в домах у предков чувашей были также маленькими, говорит зафиксированное слово *карăнтăк* “брюшина, служившая вместо стекла”. Йозеф Маркварт говорил о савирах и мадьярах как об одном народе – *Sevordik*’ (*Magyaren*) (Marquart 1903: 428). Дьюла Немет указывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi*, который он отождествлял с этнонимом *savir*. *Sabir* – это самоназвание народа, о чем свидетельствует и топоним в местности проживания сабири в Западной Сибири – *Šabar* (Németh 1929: 81–86; Дмитриева, Адягаши 2001: 62–63). Этот этноним в форме *savard* сохранился и в собственно венгерской традиции, а именно в старом личном имени *Zuard/Zoward/Zovard*. В.П. Шушарин полагал, что саварты – это мадьярские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии (Шушарин 1997: 112, 157, 159).

Искусство. В аспекте обсуждаемой темы чрезвычайный интерес представляет традиционная вышивка обских угров. Описывая ее, С.В. Иванов замечал, что основной комплекс вышивок хантов и манси представляет собой совершенно обособленное явление, поскольку ни у ближайших соседей (тобольских татар, селькупов, ненцев), ни у более далеких народов Сибири ничего подобного не встречается. В то же время исследователь писал о широком его распространении у народов восточно-европейской части Советского Союза: «Мы находим его не только у народов финской группы, но также у ряда славянских и тюркоязычных народов. Так, шов “крест” известен карелам, марийцам и мордве, русским и украинцам, чувашам и башкирам, а за пределами Советского Союза – болгарам. Двухсторонним квадратным швом пользуются карелы, мордва и мари, русские (у которых он носит название “роспись” или “клетка”), украинцы и чуваша... Гладь с темным контуром встречается в вышивке удмуртов, марийцев и мордвы, русских, украинцев и болгар, чувашей и башкир» (Иванов 1963: 80). В перечисленный ряд народов можно смело поставить еще белорусов и вепсов.

У хантов есть термин *xanda-xanč* – “хантыйская вышивка”. Словом *xanč* обозначается прием, используемый при вышивке; также оно имеет значения “метка, шитье, узор, пестрый” (Изделия... 1911: IV, 60, 65). *Xand* или *xanda* – значит “хантыйский, относящийся к хантам”, ибо *xant*, а также *xанти*, *xандэ* – это эндоэтноним, а остяками их звали соседние племена. Из-за того что нитку остяки готовили преимущественно из конопли, а узоры были свойственны только им, этноним *hand* использовался по отношению и к конопле, и к узору – соответственно, *handa-pōtin* или просто *hand* (SUS: 7, 50). Однако геометрические рисунки при вышивке *xanda-xanč* очень близки к чувашским узорам: две симметричные птицы или лошади (возможно, олени или лоси) у центрального дерева, крупные линии с изгибами, завершающиеся мелкими отростками. Особый стиль вышивки, поразительно схожий с *xanda-xanč*, широко применялся чувашскими женщинами. Чтобы обе стороны выглядели одинаково, использовалась, так же как у хантов, техника двустороннего шва. “Узор выполнялся по счету ниток основы и был всегда геометрическим” (Трофимов 2010: 196). Строение используемых тканей, произведенных из крапивы, конопли или льна, позволяло творить точные рисунки. Такое же объяснение давал вышивке *xanda-xanč* С.К. Патканов. Он называл ее образцовой хантыйской вышивкой (Patkanov 1900: 425–426). Те же дерево, птица, лошадь, те же симметрии, те же геометрические фигуры с двумя и более мелкими

отростками на вышивках у чувашей (Ашмарин 1941: 49). И у хантов, и у чувашей так называемые отростки могут означать рога оленя или лося. Вышивками техникой шва *хантӓсла* особенно богаты были покрывало невесты *пӗркенчӗк* и платок жениха *сулӓк*. Чувашки наносили такую плотную вышивку также на рубахи в области груди, на головные уборы *масмак* и *сурпан*, на рукава и подола. Богато вышитая одежда у обоих народов составляла предмет гордости и свидетельствовала о высоком мастерстве носителя. Главное – такая вышивка у чувашей называется *хантӓсла*. Слово обозначает “окончательное нанесение цветных узоров на предварительные контуры рисунка”. В слове *хантӓсла* -ла является аффиксом, образующим новое слово, обозначающее прием работы. Видимо, и морфема -*ӓс* когда-то появилась как аффикс, а теперь воспринимается вместе с *хант* как одно слово. Что касается корня *хант*, то автор этих строк воспринимает его как этноним *хант*, а термин *хантӓсла* в целом переводит как “вышивать по-хантыйски”.

Другой тип вышивки у хантов называется *s̄evem-xanč*, т.е. буквально “плести по-хантыйски”. Это – плетеная вышивка, наносимая крестиками. “Крестики соприкасаются иногда только одним концом, а иногда двумя, покрывая тогда фон почти сплошь” (Изделия... 1911: IV, 66). У чувашей *с̄евем* – нитка длиной около метра, или в два локтя. Ниткой такой длины запасаются чувашки, приступая к очередной вышивке. Корень слова – *с̄ев* “сдирать, снимать, отделять” (нитку от мотка). В процессе пряжения длина каждого закручивания составляет приблизительно длину в *с̄евем*. В чувашских сказках *паттӓр* получает из рук волшебного дарителя нитку *с̄евем*, с помощью которой добирается до цели. Молодая после брачной ночи идет к роднику, набирает воду, а взамен духам воды оставляет нитку *с̄евем*. По три *с̄евем* раздают после похорон каждому присутствующему. Тот, у кого все три нитки окажутся равной длины, может умереть в течение года (Ашмарин 1936: 293; Салмин 2007: 313). Так традиционная вышивка двух народов, исполняемая одними и теми же узорами, одними и теми же способами и имеющая одну и ту же семантику, вскрывает древнейшие генетические субстраты.

Можно обратить внимание еще на одну деталь в швейном искусстве хантов. Продавая шкуры и шкурки добытых зверей, они отрезают для себя менее ценные части с краев, например лапки, участки около брюшка, хвосты и т.д. Такие кусочки используются при украшении одежды, из них шьют шапки, воротники. Иногда из отрезков шьют верхнюю одежду: так, вахские ханты используют отрезанные шкурки беличьих лап и оленьих ушек; на одно изделие уходит до 300–400 кусочков. Также шьется одежда из шкурок птиц (Изделия... 1911: 26–27). Аналогичный способ шитья из кусочков существовал у чувашей и назывался *катӓкла* (*катӓк* – “кусоч, лоскут, отрезок”). Из тканей, собранных из лоскутков и кусочков, шили, например, одеяла и наволочки. В этой связи вспоминается эпизод из моей собственной жизни: собирая меня в первый класс, мама сшила *катӓклӓ сумка* – изумительно красивую сумку из разноцветных треугольных кусочков ткани, с двумя ручками. Сшитая мамой сумка была предметом гордости и придавала настрой в учебе.

Сюда можно добавить и другие параллели из области ремесла и рукоделия угров и чувашей. Например, А.А. Попов указал на сходство ткацких станков: “Угорский ткацкий станок имеет усовершенствованную конструкцию, при которой перемещение зева достигается нажатием ноги на педали. По устройству он очень сходен с чувашским и марийским ткацкими станками. Такого станка нет ни у одного из народов Сибири, кроме юго-западных татар, о станке которых говорит У. Сирелиус” (Попов 1955: 125). Использование обскими уграми и чувашами прясла к веретену также не встречается у большинства других народов. У хантов прясло – это широкое кольцо, надеваемое для увеличения веса веретена и, в результате, усиления и регулирования скорости вращения. Изготавливается из коры, дерева, кости, рога, глины или мягкого камня. Иногда угры изготавливали цельные веретена, когда стержень и пряслице вырезается из одно-

го куска дерева. Как веретено, так и пряслице часто украшаются рисунком (Изделия... 1911: 48–49; *Попов* 1955: 84, табл. XIII). У чувашей прясло – это литое кольцо из олова или свинца, иногда из рога лося. Его носили и в качестве оберега-амулета (*Ашмарин* 1930: 139–140).

Исследователи указывают также на общие традиции в музыке и фольклоре чувашей и венгров (*Vikar, Bereczki* 1979). Пентатонный квинтовый сдвиг в качестве самостоятельного стиля встречается в трех местах: на территории Венгрии; на марийско-чувашской границе – у обоих народов; во Внутренней Монголии – у нескольких народов (*Sipos* 1988: 1–57; *Дмитриева, Адягаши* 2001: 208–209); к сожалению, Янош Шипош подробно не останавливается на венгерско-монгольских параллелях. Прослушивание, в том числе в полевых условиях, многих тысяч записей чувашской музыки явилось для Ласло Викара основанием необходимости еще более глубокого ее изучения. Как считает венгерский музыковед, с точки зрения формы, тональности и ритма чувашская музыка ближе к старовенгерской, чем к марийской. В ней так же, как и в народной венгерской музыке, переходные формы более типичные, чем чистый тональный ответ, а квантовый сдвиг не присутствует во всей мелодии. В чувашских песнях, подобно венгерским, тональность не соблюдается так строго, как у марийцев. По сравнению с марийскими мелодиями с квинтовым сдвигом заметны краткость строк и малое количество слогов чувашской музыки, что опять-таки совпадает с венгерской (*Vikár* 1966: 189–199; *Дмитриева, Адягаши* 2001: 103).

Мелодии традиционной музыки хантов также весьма созвучны чувашским. А венгерская длинная *фуруйя* по звучанию и форме весьма сходна с башкирским *кураем*.

Выводы. В Кондинской вол. Тобольского у. было поле, известное как *Sèbèr-jax nêp* “Кладбище народа *sèbèr*”. Среди березовских хантов бытовали варианты названия племени в формах *сабер, канер, конер*. Народ и земля (страна) назывались соответственно *Šaber-mām* и *Šaber-mu*. Й. Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе – *Sevordik’ (Magyaren)*.

Предки савиров пришли в Европу с юга Западной Сибири. Тогда они обитали в угорско-иранской среде. Время ухода савиров из Сибири логично отнести ко времени после распада праугорского единства, точнее – к середине I в. до н.э. Именно тогда из-за сильных изменений климата предки савиров двигались на запад. Исследователи полагают, что савиры жили вдоль нижнего течения Иртыша и в прилегающих районах. Их столицей был город-крепость Сибир, расположенный на месте впадения реки Сибирки в реку Иртыш.

Остяки, безусловно, относятся к числу монголоидных типов, хотя и не резко выраженных – может быть, более протоморфных. Поэтому соотнесение черепов чувашской серии и остяцких черепов весьма правомерно, тем более что нам неизвестны европеоидные типы с плоским носом. От татар Поволжья чувашаи отличаются главным образом более удлиненной формой головы, более высоким лицом и более узким носом, при этом у чувашей чаще встречается вогнутая спинка носа.

Следует отметить, что конец саргатской археологической культуры, уход сеперов в Европу, передвижение хантов и манси на север, а мадьяр – на восток в середине I в. н.э. совпадают по времени, что лишний раз доказывает принадлежность угров и сеперов к саргатам, а заодно и общность культур этих племен.

Много общего у чувашей и угров в религиозных воззрениях, в частности одинаковое название главного божества у чувашей и манси – с основой *Тор*.

В аспекте обсуждаемой темы чрезвычайный интерес представляет традиционная вышивка обских угров и мелодии народных песен.

Сибиряки рассказывают предания о древнем населении этой местности – народе, представители которого соорудили городища и жили в них, причем рассказы XVIII и XX вв. полностью совпадают. Барабинские татары называли этот народ *сывырами*.

Источники и литература

- Агафий* 1996 – *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и прим. М.В. Левченко. М.: Арктос, 1996.
- Айдын* 2011 – *Айдын Э.* Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских памятниках // Эпиграфика Востока. М.: ИВ РАН, 2011. С. 3–13.
- Анучин* 1906 – *Анучин В.* Предварительный отчет по поездке к енисейским осякам в 1905 г. // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1906. № 6. С. 38–50.
- Анфертьев* 1994 – *Анфертьев А.Н.* Комментарии к “Иордан. Getica” // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Вост. лит., 1994. С. 98–160.
- Артамонов* 1962 – *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: ГЭ, 1962.
- Ашмарин* 1929 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. III. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1929.
- Ашмарин* 1930 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. V. Чебоксары: Наркомпрос, 1930.
- Ашмарин* 1936 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. XI. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1936.
- Ашмарин* 1937 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. XIII. Чебоксары: Госиздат, 1937.
- Ашмарин* 1941 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. XVI. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1941.
- Багрянородный* 1991 – *Багрянородный Константин*. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.
- Бартольд* 1973 – *Бартольд В.В.* Соч. Т. VIII. М.: Наука, 1973.
- Вереш* 1984 – *Вереш П.* Финно-угорская прародина и этногенез венгерского народа // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1984. Vol. 33. P. 367–384.
- Вереш* 1996 – *Вереш П.* Древневенгерская эпоха // Acta Ethnographica Hungarica. Т. 41. 1996. P. 11–40.
- Вереш* 2000 – *Вереш П.* Локализация уральской и венгерской прародины в свете новейших данных // Сородичи по языку. Будапешт: Фонд им. Ласло Телеки, 2000. С. 29–36.
- Голден* 2008 – *Голден П.Б.* Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк: ДНУ, 2008. С. 309–340.
- Гумилёв* 2007 – *Гумилёв Л.Н.* Открытие Хазарии. М.: Айрис-пресс, 2007.
- Дмитриева, Адягаши* 2001 – *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-Tschuvaschica. Чебоксары: ЧГИГН, 2001.
- Дыбо* 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007.
- Дыбо* 2011 – *Дыбо А.В.* Отражение булгарских палатализаций в булгаризмах венгерского языка // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 10–21.
- Зуев* 1999 – *Зуев В.* Описание живущих в Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Путешествие по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 137–223.
- Ибн-Даста* 1869 – *Ибн-Даста*. Известия о хозарах, бургасах, болгаргах, мадьярах, славянах и руссах / Пер., введ., коммент. Д.А. Хвольсона. СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869.
- Иванов* 1963 – *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Наука, 1963.
- Изделия...* 1911 – *Изделия остяков Тобольской губернии* // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1911. Вып. XIX. С. I–IV, 1–136.
- Иречек* 1878 – *Иречек К.И.* История болгар. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878.
- Мухамадиев* 2011 – *Мухамадиев А.* Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.
- Напольских* 1999 – *Напольских В.В.* Предыстория уральских народов // Acta Ethnographica Hungarica. 1999. Vol. 44. № 3–4. P. 431–472.
- Напольских* 2005 – *Напольских В.В.* Йёгра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 240–268.
- Немет* 1963 – *Немет Ю.* Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 126–136.

- Новицкий* 1999 – *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком // Путешествие по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 1–166.
- Патканов* 1999 – *Патканов С.К.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.
- Патканов* 2003 – *Патканов С.К.* Соч. Т. 5. Тюмень: Мандр и К^а, 2003.
- Полосьмак* 1987 – *Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987.
- Попов* 1955 – *Попов А.А.* Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии. XVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 41–146.
- Радлов* 1905 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1905.
- Рона-Таш* 2005 – *Рона-Таш А.* Хазары и мадьяры // Хазары. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 111–124.
- Рона-Таш* 2012 – *Рона-Таш А.* От Урала до Карпатского бассейна: новые результаты исследований по ранней истории венгров // Чувашский гуманитарный вестник. № 7. 2012. С. 3–11.
- Рубрук* 1997 – *Рубрук Г. де.* Путешествие в Восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Марко Поло. Книга. М.: Мысль, 1997. С. 88–189.
- Салмин* 2007 – *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007.
- Скворцов* 1985 – *Скворцов М.И. (ред.).* Чувашско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985.
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30. W.W. Radlow. *Alttürkische Studien VII.* [Фонетика, морфология и заключение. II-я ред. Содержание доклада выдвинуто на урало-алтайском кружке. Не опубликовано. На нем. языке]. 1916 J. 97 Blätter.
- Стеблин-Каменский* 2009 – [*Стеблин-Каменский И.М.*] Вступительные статьи // Гаты Заратуштры / Пер. с авест., вступ. ст., коммент. и прил. И.М. Стеблина-Каменского. СПб.: Петербургское востоковедение. 2009. С. 4–32.
- Таймасов* 2001 – *Таймасов Л.А.* К этнической истории чувашского народа: савиры (сувары) на Северном Кавказе во II–VIII вв. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 7–33.
- Трофимов* 2010 – *Трофимов А.А.* Аннотированный словарь // М.С. Спиридонов. Чувашский орнамент. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 196–206.
- Феофан* 1980 – *Феофан Исповедник.* Хронография. [Текст на др.-греч. и рус. яз.] // И.С. Чичуров. Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980. С. 24–144.
- Фодор* 2000 – *Фодор И.* Прародина финно-угров и их древняя история // Сородичи по языку. Будапешт: Фонд им. Ласло Телеки, 2000. С. 23–28.
- Хайду* 1985 – *Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.
- Хайду* 2000 – *Хайду М.* Венгерский язык // Сородичи по языку. Будапешт: Фонд им. Ласло Телеки, 2000. С. 315–332.
- Шушарин* 1991 – *Шушарин В.П.* Комментарий к главе 38 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.
- Шушарин* 1997 – *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М.: РОССПЭН, 1997.
- Юхас* 1985 – *Юхас П.* Тюрко-българи и маджари. София: Jusaator, 1985.
- Янгузин* 2007 – *Янгузин Р.З.* Происхождение // Р.З. Янгузин, Ф.Г. Хисамитдинова. Коренные народы России: Башкиры. Уфа: Китап, 2007. С. 5–81.
- Budenz* 1873 – *Budenz J.* Jelentés Vámbéry Ármin Magyar-török szóegyezéseiről // Nyelvtudományi közlemények. Budapest, 1873. X. köt. P. 67–135.
- Dienes* 1963 – *Dienes I.* Nonfoglalóink halottas szokásainak egyik ugorkori eleméről // Archaeologiai Értesítő. Budapest, 1963. Vol. 90. P. 108–112.
- Fodor* 1981 – *Fodor I.* On the earliest Hungarian-Turkic Contacts // Turkic – Bulgarian – Hungarian Relations: (VIth – XIth centuries). Budapest, 1981. P. 145–151.
- Golden* 2008 – *Golden P.B.* The peoples of the Russian forest belt // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge Univ. Press, 2008. P. 229–255.
- Golden* 2011 – *Golden P.B.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / Ed. Cătălin Hriban. București: Editura Academiei Române, 2011.
- Gombocz* 1912 – *Gombocz Z.* Die Bulgarisch-Türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. Helsinki: SFO, 1912.

- Marquart* 1903 – *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig: Theodor Weicher, 1903.
- Menandri... 1829 – Menandri Protectoris Historia // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. P. I. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. P. 279–444.
- Németh* 1929 – *Németh G.* Szabirok és magyarok // Magyar Nyelv. Budapest, 1929. XXV. köt. P. 81–88.
- Németh* 1991 – *Németh G.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.
- Nicephori... 1880 – Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica. Lipsiae: B.G. Teubner, 1880.
- Patkanov* 1900 – *Patkanov S.* Irtisi-osztják szójegyzék // Nyelvtudományi közlemények. Budapest. XXX. köt. 1900. P. 407–457.
- Patkanov* 1901 – *Patkanov S.* Irtisi-osztják szójegyzék // Nyelvtudományi közlemények. Budapest. XXXI. köt. 1901. P. 291–330.
- Procopii... 1905 – Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. II. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905.
- Radlow* 1916 – *Radlow W.W.* Alttürkische Studien. VII. 1916 // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30.
- Róna-Tas* 1988a – *Róna-Tas A.* Ethnogenese und Staatsgründung: Die türkische Komponente in der Ethnogenese des Ungartums // Studien zur Ethnogenese. Bd. 2. Opladen: Walter de Gruyter, 1988. S. 107–142.
- Róna-Tas* 1988b – *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden: Brill, 1988. P. 742–780.
- Róna-Tas* 1997 – *Róna-Tas A.* Török nyelvi hatások az ősmagyar nyelvre // Honfoglalás és nyelvészet. Budapest: Balassi Kiadó, 1997. P. 49–60.
- Róna-Tas* 2007 – *Róna-Tas A.* Nutshell Chuvash [Electronic source]. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afro/turkiskasprak/IP2007/NUTSHELLCHUVASH.pdf>.
- Salmin* 2011 – *Salmin A.* The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2011.
- Salmin* 2013 – *Salmin A.* The Savirs in the Caucasus // Acta Ethnographica Hungarica. 2013. Vol. 58. № 1. P. 197–201.
- Sipos* 1988 – *Sipos J.* Újabb adatok a kvintváltás eurázsiai elterjedtségéhez // Néprajzi Látóhatár. VII. köt. Budapest, 1998. P. 1–57.
- Steinitz* 1975 – *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 7. Berlin: Akad.-Verl., 1975.
- SUS – Suomalais-Ugrilainen Seura arkisto. Helsinki. Kotelo 54 (Ahlqvist A. Ostjakiska).
- Vikár* 1966 – *Vikár L.* Egy új csuvas gyűjtés tanulságai // Az MTA I. Osztályának közleményei. 23. 1966: 189–199.
- Vikár, Bereczki* 1979 – *Vikár L., Bereczki G.* Chuvash folksongs. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979.
- Zichy* 1923 – *Zichy I.* A magyarság őstörténete és műveltsége a honfoglalásig. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1923.

A.K. Salmin. The Ugrian Chapter in the History of the Chuvash

Keywords: Savirs, Suvars, Chuvashes, Khanty, Mansi, Magyars, interdisciplinary approach

Drawing on linguistic, ethnographic, and art data, the article attempts to inquire into historical links between Chuvash's ancestors and Ugrian peoples. The time period under consideration spans the first millennium A.D. For format reasons, the article presents a condensed version of the inquiry which omits detailed consideration of ethnonyms, historical, geographical, physical anthropological, archaeological, religious, and folklore aspects, as well as discussion of hypotheses about Ugrian roots of the Huns, Dingling, Esegel, Visi, and Bashkir.